

УДК 008

Культура повседневности: к проблеме теоретического анализа феномена

П.В. Кургузов

УМЦ Объединения организаций профсоюзов Республики Бурятия, ул. Воровского 25, Улан-Удэ, Россия

selenga47@bk.ru

Статья поступила 27.12.2013, принята 19.02.2014

В статье анализируются теоретические проблемы феномена культуры повседневности в интерпретации отечественных и зарубежных ученых, сформулирована ее авторская дефиниция, осуществлен анализ важнейших классификаторов – традиций, обрядов, обычаев и ритуалов.

Ключевые слова: культура, повседневность, жизнь, быт, традиция, обычай, обряд, ритуал.

Everyday culture: problem of theoretical analysis of the phenomenon

P.V. Kurguzov

Methodical-and-training Centre of Trade Union Association of Republic of Buryatia, 25 Vorovskoy St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

selenga47@bk.ru

Received 27.12.2013, accepted 19.02.2014

The article examines the theoretical problems of the phenomenon of everyday culture in interpretation of Russian and foreign scientists. It has also been given its original definition and the analysis of its major classifiers such as traditions, ceremonies, customs and rituals.

Keywords: culture, everyday life, life, way of life, tradition, custom, ceremony, ritual.

Пожалуй, трудно найти человека, который бы отрицательно относился к мудрости вообще и мудрости своего народа в частности. «Если бы молодость знала то, что ведомо нам, – может и не творила бы она столько глупостей», – нередко восклицают пожилые люди. Однако каждому возрасту – своя мудрость. Родители считают, что их дети живут не так, а дети уверены, что родители старомодны и не понимают их...

Однако есть мудрость всевозрастная, сосредоточенная в культуре повседневности любого народа, русского, в том числе, и, если прислушаться к этой мудрости, толком вдуматься, все расставить по своим местам, станет совершенно ясно: мудрый наш народ

все предусмотрел, все по местам расставил, на все случаи жизни создал свои традиции, обычаи и обряды.

Другое дело, что мы их или забыли, или вовсе не знали. Но это и немудрено, ведь все именно народное, самобытное выхолащивалось в угоду так называемому «интернациональному» на протяжении веков, ибо речь здесь идет не только о периоде советской истории, но и о временах «импорта» религии православия из Византии и долгих годах преклонения тех же дворян в царской России перед Западом. Преклонения во всем: в языке, одежде, вкусах, этикете и пр. После крещения Руси тысячами уничтожался на дыбах цвет русской языческой культуры по-

вседневности – знахари, ведуны, сказители, жрецы и др.

Разве потеряла свою актуальность мысль М. Забылина, высказанная им более ста лет назад в предисловии к своему замечательному труду «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания»: «Читая лекции по отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, поэтому бытовая (повседневная – К. П.) сторона жизни нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас. Между тем археологические и этнографические исследования указывают на множество обычаев, обрядов, воссоздают образ жизни народа. В сказках, былинах, поверьях, песнях встречается очень много интересного о родной старине, передается весь народный характер веков с их обычаями и понятиями» [1].

За прошедшие годы реформируемой России дело в этом направлении продвинулось ненамного. Уверенно можно утверждать лишь то, что сегодня появился огромный интерес историков, этнографов, фольклористов и культурологов к проблемам быденной жизни народа.

Этот вывод подтверждается хотя бы тем, что сегодня в философской, социологической и культурологической литературе существует множество трактовок феномена *повседневности* как процесса *жизнедеятельности индивидов, развертывающегося в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий*. При этом в культурологической энциклопедии подчеркивается, что «повседневность противопоставляется, как будни – досугу и празднику, как общедоступные формы деятельности – высшим специализированным ее формам; как жизненная рутина – мгновениям острого психологического напряжения; как действительность – идеалу» [2].

Вместе с тем, следует признать, что в философской рефлексии повседневности нередки неоднозначные оценки этого феномена. Так, у Зиммеля рутина повседневности противопоставляется приключению как периоду наивысшего напряжения сил и остроты переживания. В современной марксистской теории повседневность играет двоякую роль. У Маркузе, например, в его про-

тивопоставлении культуры как праздника, творчества, высшего напряжения духовных сил, с одной стороны, и цивилизации как рутинной технизированной деятельности с другой, повседневность оказывается на стороне цивилизации.

У Лефевра повседневность выступает как подлинный локус творчества, где создается как все человеческое, так и сам человек. Повседневность – это место «дел и трудов»; все «высшее в зародыше содержится в повседневном и возвращается, в конце концов, в повседневность, истинность». Повседневность исторична и в своем историческом существовании переживает противостояния высокого, сакрального и обыденного.

Автор идеи «жизненного мира» Гуссерль называет его «миром повседневности», доказывая тем самым, что вся жизнь человека буквально пронизана актами повседневности. Жизненный мир по Гуссерлю – культурно-исторический мир, который творится в рамках обыденных, повседневных усилий и поступков людей. Его последователь А. Шюц именует повседневность «верховой реальностью», объясняя эту «верховность» деятельной природой повседневности и ее закрепленностью в телесном существовании индивида. Все другие реальности, как полагает он, можно опосредовать через повседневность.

Исходя из этих установок, *культуру повседневности* мы определяем как *систему регулятивной человеческой деятельности, несущей в себе аккумулированный опыт быта и нравов в пространстве быденной жизни индивида*.

Как и любая другая морфологическая единица целостной системы культуры, быденная культура располагает своим арсеналом *функций*, которые мы не только назовем, но и снабдим краткими комментариями.

Так как культура – важнейшая форма бытия человека, то проблема функций культуры является предметом изучения целого ряда наук. При этом многие ученые, чаще всего, выделяют в культуре какую-нибудь одну функцию и анализируют ее. Так, М. Вебер ставил на первое место *нормативно-ценностную* функцию культуры. Э. Кассирер делал акцент на *функции социализации*. Й. Хейзинга определяет в качестве главной функции культуры *игровую*. В рамках тен-

денции «предпочтений» для автора данной книги, вслед за Э. Дюркгеймом, важнейшей функцией культуры является *функция интеграции* человеческого общества. С нашей точки зрения, ничто так не «цементирует», например, нацию, этнос, другие общности людей, как культура.

Вместе с тем, нельзя недооценивать и другие многообразные функции, которые характерны для обыденной культуры, каждая из которых вполне целесообразна и самодостаточна. Прокомментируем некоторые из них.

Функция социализации, или человекотворчества, функция формирования и воспитания человека. Вне культуры и общества, без освоения культуры новорожденный не может стать человеком. Эта функция начинает себя проявлять, прежде всего, в семье, в условиях обыденной культуры человека.

Функция познавательная (гносеологическая), или *информационная*. Культура способна накапливать разнообразные знания, сведения и информацию о мире и передавать их от поколения к поколению. Не будь этой функции, люди каждый свой день начинали бы с нуля, постоянно изобретали велосипед. Повседневная культура в этом случае выступает как социальная и интеллектуальная память человечества.

Функция регулятивная, или *нормативная*, с помощью которой культура повседневности устанавливает, организует и регулирует отношения между, прежде всего, близкими людьми, родственниками, друзьями, соседями. Эта функция осуществляется через системы норм, правил и законов морали и права, соблюдение которых составляет необходимые условия для нормального существования любой социальной группы и общества в целом.

Коммуникативная функция осуществляется в первую очередь с помощью языка, письменной и устной речи, являющихся главными средствами общения людей, а первое в жизни слово «мама» человек произносит именно в семье – основном пространстве культуры повседневности.

Ценностная, или *аксиологическая функция* способствует формированию у человека ценностных потребностей и ориентаций, позволяет ему различать хорошее и плохое,

добро и зло, прекрасное и безобразное. Критерием таких различий и оценок выступают нравственные и эстетические ценности не только общества в целом, но и окружения близких людей в сфере бытовых отношений.

Творческая функция находит выражение в создании новых ценностей, знаний, норм и правил, обычаев и традиций, а также в критическом переосмыслении, реформировании и обновлении уже существующей обыденной культуры.

Развлекательная, или *компенсаторная функция* связана с восстановлением физических и духовных сил человека, проведением досуга, психологической разрядкой и т. д. И эта функция со всей своей выразительностью проявляет себя в кругу семьи, в пространстве культуры повседневности.

Все названные и другие функции культуры могут быть сведены, в сущности, к двум: *функции накопления и передачи опыта* и *критически-творческой функции*. Они также неразрывно связаны между собой, поскольку накопление включает в себя критический отбор из всего имеющегося наиболее ценного и полезного, а передача и освоение опыта происходят не пассивно и механически, но предполагают, опять же, критическое, творческое отношение. В свою очередь, творческая функция означает, прежде всего, совершенствование всех механизмов культуры, что неизбежно приводит к созданию чего-то нового. Традиции обыденной культуры не исключают обновления и творчества, а нередко выступают как непреложное условие для воспроизводства и выживания людей (запрещение самоубийств, правила гигиены и другое).

Поскольку мы не ставим перед собой задачи рассматривать здесь все стороны феномена культуры повседневности, обращая внимание лишь на те *универсальные* и *особенные* начала, которые в ней присутствуют, то далее надо отметить следующее.

Человек рождается, вступает в брак, рождает детей, умирает – вне зависимости от того, в какую эпоху он родился, в какой стране. Каждый день человеку необходимо питаться, умываться, заниматься хозяйственной деятельностью, своим бытом. Все это совершается в рамках его повседневной культуры, независимо от этнической при-

надлежности, пола, возраста, эпохи, места проживания.

В таком понимании феномен культуры повседневности приобретает характер универсальности и может обозначаться словом «что». То, что, совершает человек на протяжении своей персональной жизни. А вот то, каким образом он совершает естественные обыденные действия, – специфично и может зависеть от этнической или конфессиональной принадлежности, от возраста, пола, времени и страны проживания, и может обозначаться словом «как».

Пусть не покажется странным, но нередко в нашей повседневной жизни мы следуем правилам, зафиксированным в исторических документах много веков назад, например, в Домострое, своде нравственных правил, составленном еще при Иване Грозном, в XVI веке.

Так, каждое утро решая, какую одежду надеть – рабочую, повседневную или праздничную, мы, сами того не подозревая, выполняем старинные предписания: «А всем дворовым людям наказ: всегда, что делают в ветшаном платье, а как перед государем или при людях – в чистом во вседневном платье, а в праздники и при добрых людях или с государем, или с государынею, где бытии, ино в лучшем платье» [3].

Однако вряд ли это правило – в будни носить будничную одежду, а в праздники – праздничную – можно было бы отнести исключительно к этнической традиции русских. В Домострое, который, безусловно, принадлежит к русской этнической культуре, зафиксирована некая традиционная универсальная норма, характерная практически для всех этнических сообществ. И связано это, прежде всего, с общностью принципов, лежащих в основе повседневных практик, с тем, что обычно называют «здоровым смыслом» или «народной мудростью».

Второе универсальное начало культуры повседневности, как утверждает Е.А. Семенова, связано с вторжением в жизнь миллионов людей новых средств передвижения (от автомобилей до космических ракет), новой бытовой техники, средств массовой информации (от газет до радио и телевидения). С развитием компьютерных технологий, известных каждому, вне зависимости от того, в ка-

кой стране живет человек, кто бы ни был он по национальности, он располагает навыками обыденной культуры, знает, как пользоваться бытовой техникой, аудио- или видеоаппаратурой, компьютером, видеомагнитофоном [4].

Иными словами, в повседневной жизни людей образовалось пространство, практически лишенное этнонациональной специфики, пространство, заполненное узнаваемым для каждого культурным материалом, вне зависимости от того, где живет человек, к какой этнической общности или социальному слою он принадлежит.

Свободное время, которое современный человек проводит, в основном, дома, связано, главным образом, с телевидением. Именно оно формирует в настоящее время тот единый, универсальный, знакомый всем культурный материал, ставший частью повседневной жизни огромных масс людей. Это и разнообразные телевизионные игры, и зарубежные телесериалы, и реклама. Все это, обращенное на человека, становится частью его повседневной жизни, занимает весьма значительное место в его обыденной культуре, трансформируется в ней весьма любопытным и причудливым образом. Эта «причудливость» оборачивается развитием массовой культуры. Сочетание обыденной и массовой культур является третьим фактором универсальных начал культуры повседневности.

В свою очередь, массовая культура как бы реабилитирует все то, что связано с жизненным, «низовым» миром человека: повседневное, массовое и архетипическое. Действительно, газетные рубрики, программы радио- и телепередач отражают обыденные человеческие предпочтения и интересы – потребность в бытовых сплетнях и светской хронике, в мелодраматических житейских историях, в рассказах о заморских странах. Такие телевизионные жанры, как реклама, телеигры, сериалы становятся частью современной народной культуры, легко усваиваются массовым обыденным сознанием. Они доступны, запоминаемы, цитаты из них входят в речевой оборот не только взрослых, но и детей.

Массовая культура настолько «всеядна» и «беспринципна», что может перерабатывать

в своих интересах аксиологию всех культур – этнических, духовных, экологических, гуманитарных, материальных и т. д. Другое дело, когда культура повседневности приобретает очертания универсальности, и последнее, как нам представляется, никак не может стать настоящей угрозой исчезновения первой. Культура повседневности будет жить до тех пор, пока живет человек, она зеркало, она след, она форма его существования.

При изучении дихотомии идеалов («высокой культуры») и идеалов культуры повседневности невозможно обойтись без анализа таких феноменов классификации культуры повседневности, как «традиция», «обычай», «ритуал», «обряд» и «церемония». Все они занимают достойное место в ареале не только знаковых, но и рядовых дней обыденной жизни.

Начнем этот анализ с *традиции*. Сложность работы с этим понятием состоит в том, что, *во-первых*, в большинстве работ искусствоведов, фольклористов, этнографов оно используется априорно, как нечто само собой разумеющееся и понятное всем. *Во-вторых*, это понятие является одним из немногих, вокруг которого сложились достаточно устойчивые, но противоположные по содержанию и исходным установкам обыденные представления. В их основе лежат, как правило, определенные ценностные подходы. Условно можно обозначить два полюса, вокруг которых концентрируются эти представления.

На одном из них традиция представлена как нечто архаичное, косное, устаревшее, консервативное, мешающее развитию современной культуры. На другом полюсе традиция выступает как идеал, абсолютная ценность, требующая серьезных усилий по поддержанию, восстановлению, реанимации.

Вполне очевидно, что как для той, так и для другой позиции характерно ценностное отношение к феномену традиции. «Однако, – как полагает Э.В. Быкова, – для научного ее осмысления парадигма «оценочности» нередко оказывается малопродуктивной... При господстве обыденных представлений, – делает вывод она, – вопрос о том, какое же место занимает традиция в современной культуре в целом, и в отдельных ее пластах

(а, значит, и в культуре повседневности – К. П.), остается открытым» [5].

Если же попытаться иначе изложить те же самые позиции, поместить их в иное смысловое русло, то окажется, что мы имеем дело с двумя фундаментальными пониманиями традиции. Причем, они не только различаются, но в них есть отчетливо видимая общая основа. Это представление о традиции, связывающей прошлое и настоящее. Наше отношение к традиции во многом определяется тем, как мы трактуем связи между прошлым и настоящим. В первом случае традиции воспринимаются как некие реликты, как специфические «сгустки», «уплотнения» прошлого в настоящем. В другом случае прошлое осознается как всегда присутствующее в настоящем, как постоянно в нем воспроизводящееся. И в этом случае традиция воспринимается как неотъемлемая сторона существования социума, как нечто универсальное и независимое от времени.

Мы отдаем предпочтение этому последнему пониманию сущности традиции. Скажем больше, сегодня, когда в реформируемой России днем и ночью идет поиск инноваций, идет даже там, где в них пока нет необходимости, ибо там до сих пор хорошо справляется традиция, стоит вспомнить простую истину – любая *традиция* была в свое время смелой *инновацией*. Не будет традиций – не будет и инноваций. И все же, что является собой понятие традиции?

В поисках ответа на этот вопрос обнаруживается интересная деталь. Сегодня в отечественной аналитике изучению феноменов – традиция, обычай, обряд, ритуал и церемония – большое внимание уделяют военные историки, психологи и культурологи. Наверно, это происходит потому, что именно в армии, в обыденной культуре армейских будней в большей степени помнят, почитают и развивают традиции поколений.

Традиция (от лат. *tradition* – передача, повествование, предание) – это то, что передается из поколения в поколение как общепринятое, общеобязательное, проверенное прошлым опытом, признанное необходимым для обеспечения дальнейшего существования и развития индивида, коллектива, класса, государства и общества. Именно так

определяют традицию большинство самых разных энциклопедий и словарей [6].

В.Д. Серых предлагает также довольно расширенное определение традиции, под которой он понимает «...своеобразное общественное явление, особую форму общественных отношений, проявляющихся в переходящих от поколения к поколению действиях, обычаях, принципах и нормах взаимоотношений между людьми. Традиция предполагает привычные представления и вкусы, идеи и убеждения, воплощенные в различных направлениях искусств, в науке, политике, обусловленные общественными отношениями и опирающиеся на силу общественного мнения» [7].

Более краткое определение дали классики марксизма, которые под традицией понимали все то, что создавалось творчеством народных масс [8]. Именно такое понимание традиции нам представляется наиболее приемлемым, т. к. «творчество народных масс» чаще всего и нагляднее всего проявляется как раз в культуре повседневности, обыденной жизнедеятельности людей. Однако, какое бы мы ни взяли определение традиции (а их много), в любом из них мы, так или иначе, найдем подтверждения того, что традиции выполняют как минимум *психологическую, социальную и педагогическую функции*.

Удивительное совпадение, но эти же функции являются самыми типичными для культуры повседневности, для культуры нашего обыденного бытия.

Психологическая роль традиций согласно концепции Л.С. Выготского заключается в культурно-историческом развитии психологии личности [9].

Ллойд де Моз, рассматривая психоисторию как науку, за основу исторических изменений принимает взаимоотношения личностей, не забывая отношения между поколениями, а человек здесь впервые рассматривается не как *homo faber* (человек умелый), а как *homo relatus* (человек общительный). За счет традиций происходит развитие онтогенеза [10].

Социальная роль традиций состоит в том, чтобы закрепить и воспроизвести в новых поколениях людей установившиеся способы жизнедеятельности, типы мышления и поведения.

Педагогическая роль традиций заключается в передаче нравственных ценностей, накопленных старшим поколением, младшему. В широком педагогическом смысле воспитание – это целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали.

Таким образом, в нашем понимании *традиция* – это *специфическая форма функционирования общественных отношений в виде устойчивых, повторяющихся, передающихся массовых идей, принципов, чувств, которые выражают ценностные отношения людей к основным видам духовной и материальной деятельности*.

Традициями в повседневной жизни людей выступают определенные общественные установки, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, ритуалы и пр. Это означает, что традиции не только сводятся к наиболее стереотипным своим проявлениям (как ритуал или обычай), но и распространяются на более широкую область социальных явлений.

Традиции вообще и традиции культуры повседневности в частности передаются от поколения к поколению через обычаи и *праздники*. Остановимся на этих феноменах более подробно.

В научной литературе понятие «обычай» рассматривают, как правило, в соответствии со спецификой его содержания. Л.Г. Набибулин, например, понимает под обычаем «общепринятый порядок, образ действий, общепринятую норму поведения, то есть то, что стало уже привычным, усвоенным, прочно вошло в обиход народа» [11].

Социальная, психологическая и педагогическая роли обычая те же, что и традиции, но сферы их действия различаются. Если традиция имеет место во всех сферах, духовных и материальных, то обычай существует лишь в отдельных областях жизни, главным образом, в сфере быта, общения, семейных отношений, т. е. в пространстве обыденной культуры жизни.

В истории и теории культуры понятия «обычай», «обряд» и «церемония» не всегда различались. В современной же научной литературе делается попытка разграничить, определить и выявить сущность этих понятий.

По мнению Л.Г. Набибулина, обычай часто отождествляется с обрядом, являющимся однотипным действием в сходных, повторяющихся длительное время обстоятельствах. И если от традиции обычай отличается более узкой сферой проявления, то от обряда – характером действия. *Обычай*, как правило, это действие, задача которого – дать образец для подражания, показать, как надо действовать, чтобы унаследовать имеющийся опыт в поведении, труде, образе жизни и достичь реальных результатов [12].

В обряде, как правило, не ставится задача достижения реального практического результата. Цель *обряда* – с помощью символов и символических действий выразить, передать, закрепить традиционные для какого-либо общества, класса, социальной группы идеи, идеалы, нормы, ценности, образцы жизнедеятельности, вызвать у его участников соответствующие чувства, настроение, морально-психологическую атмосферу, способствующую усвоению социального опыта, который и передается посредством данного обряда.

Обряд отличается от обычая прежде всего его символическостью, образностью, условностью. Характерным для обряда является его художественное оформление. В основе русского слова «обряд» лежит слово «обряжать», что означает «приводить в должный вид, упорядочивать, украшать, убирать, делать нарядным и красивым». От слова «обряд» так и веет седой стариной с ее старообрядцами, ряжеными и красочными церковными службами.

Сегодня наряду со словом «обряд» часто используют слово «ритуал»: свадебный ритуал, похоронный ритуал. Словом *ритуал* сегодня обозначают обряд особо торжественного, демонстративного характера со строго регламентированной формой исполнения. В таком понимании ритуал приравнивается к официальному торжеству, дипломатическому акту, церемонии. Можно предположить, что к ритуалу относятся исторически сложившиеся или специально установленные нормы сложных символических действий, система которых строго канонизирована, почти не допускает изменений установленного порядка, проявлений самодеятельности.

П.П. Кампарс, например, оценивает ритуал как «...определенный установленный порядок (распорядок) действий при свершении какого-либо обряда и церемонии. Если обряд, церемония в какой-то степени выражают суть, содержание, символический смысл определенного комплекса действий, то ритуал дает только представление о порядке их проведения, каким-то образом показывает структуру обряда и церемонии. В этом отношении можно принять обряд за церемонию, а ритуал за их форму» [13].

Учитывая вышесказанное и исходя из нашего понимания специфики культуры повседневности, мы определяем *ритуал* как *исторически сложившийся, устойчивый, передающийся из поколения в поколение вид традиций, реализующийся в формах условных символических действий, строго регламентируемых – вначале обычаями и общественным мнением, а затем и законами.*

Форма же самих ритуалов – это их внутренняя структура, позволяющая наиболее ярко, конкретно воздействовать на эмоции и чувства людей, так как форма любого общественного явления обуславливается содержанием, зарождается и утверждается на его основе. Эта закономерность присуща и всем ритуалам. Содержание и форма ритуала – это две взаимосвязанные стороны, находящиеся в диалектическом единстве. «Форма, – писал К. Маркс, – лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [14].

Однако следует иметь в виду, что взаимоотношения формы и содержания в ритуалах, осуществляемых в пространстве культуры повседневности, имеют свой специфический характер. Новое содержание, присущее вначале российским ритуалам, затем советским, потом вновь современным российским, не всегда отменяет прежнюю форму. Один из традиционных ритуалов, изменяя свое содержание, вполне может продолжать свое существование еще долгие годы. Другие, наоборот, сменив свое содержание, тут же меняют и свою форму. А третьи, потеряв свою роль, отмирают и исчезают навсегда.

Процесс взаимодействия формы и содержания, таким образом, нельзя понимать упрощенно, так как, если в одном случае применяется содержание в сопряжении со ста-

рой формой, то в другом случае меняется не только содержание, но и старая форма.

Испытав воздействие нравственности, политики, права, религии, философии, да и просто обыкновенного житейского общественного мнения, ритуалы не поглощаются ими, а, в свою очередь, влияют на них, влияют на общественное мнение, настроение и формы общественного сознания.

В качестве заключения стоит привести проникновенные слова замечательного русского философа В.В. Розанова. В его «Философии повседневности» сделана, пожалуй, исторически первая попытка осмысления онтологической природы повседневности, понимаемой им как место, дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает человеческая самость. Именно в нем человек становится причастным к миру, преодолевает дистанцию, излечивается от антропоцентрического высокомерия и брезгливости. Он признает только одно единственное разделение: пространство дома, сберегающее тепло бытия, и чуждое «внешнее место», от которого следует беречь себя и дом: «Крепче затворяй дверь дома, чтобы не надуло. Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу. Не сходи с лестницы своего дома – там зло. Дальше дома зло еще потому, что дальше – равнодушие» [15].

Литература

1. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: ЭКСМО, 2003. С. 5.
2. Ионин Л.Г. Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 122-123.
3. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. / под ред. Н.С. Демковой М., 1985. С. 94.
4. Семенова Е.А. Народная культура в современных условиях. М.: РИК, 2000. С. 192.
5. Там же. М.: РИК, 2000. С. 39.
6. Военная энциклопедия. В 10 т. / под ред. К.И. Величко. СПб., 1912. Т. 7. С. 354-355.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1975. Т. 8. С. 145.
9. Выготский Л.С. Антология гуманитарной педагогики. М., 1996. С. 178-196.
10. Моз, де Л. Психоистория. М., 1999. С. 145.
11. Набибулин Л.Г. Воспитательная роль воинских ритуалов в формировании морально-боевых качеств российских военных моряков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 10.
12. Там же. С. 11.
13. Кампарс П.П., Занович П.М. Советская гражданская обрядность. М., 1967. С. 14.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. ??? С. 159.
15. Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1990. Т. 2. С. 524.

УДК 008

Обыденная культура развлечений жителей российского города в творческом наследии И.Г. Прыжова

П.В. Кургузов

УМЦ Объединения организаций профсоюзов Республики Бурятия, ул. Воровского 25, Улан-Удэ, Россия
selenga47@bk.ru

Статья поступила 27.12.2013, принята 14.03.2014

Описаны некоторые виды развлечений русских людей в пространстве обыденной культуры России середины XIX века. Основной фактический материал статьи почерпнут из богатейшего творческого наследия И.Г. Прыжова, имя которого в современной России почти забыто.

Ключевые слова: культура, человек, жизнь, традиция, обычай, обряд, быт.